

К несчастью, практически ни копейки из этих денег, о которых он только что и вспоминал, не оставалось в храме или же в их казне. Мастер Дзэна Хунянь обычно оставлял небольшое количество денег, чтобы поддерживать функциональность их монастыря. Ну и оставшуюся сумму денег, он либо отдавал в деревни, чтобы починить их дороги или же жертвовал их, в благотворительные фонды или в инфраструктуру окружающих их территорий. Ну и как результат таких действий, их Монастырь Хунянь, вообще не мог расширяться.

Ну и из-за подобных деяний, Ву Мин вообще не мог понять смысла действий Мастера Дзэна Хуняня! С его точки зрения: с подобными деньжищами, их монастырь можно было с легкостью расширить. Его даже можно было перевести на более высокую или же на более, большую гору, с намного более лучшими видами для привлечения мирян! С теми деньгами, которые и получает их храм, он был уверен, что он сможет превратить Монастырь Хунянь в большой монастырь, в короткие пару лет. Он даже догонит по размеру Монастырь Байюнь, за какое-то крохотное десятилетие!

Ву Мин не был согласен с путём управления храмом, Мастера Дзэна Хуняня, в виде апостольской (аскетичной) нищеты. По его мнению, популярность монастыря, полностью отличалась от популярности религии. Он хотел, лишь оставить свой след в истории Буддизма и человечества. Он хотел быть как Мастер Байюнь - Мастером, который был признан многими людьми!

Мастер Дзэна Хунянь верил, что всего в этом мире можно будет добиться только тогда, когда ваше понимание Дхармы, достигнет определённой точки "понимания".

Однако же, Ву Мин верил, что всё в этом мире зависело только от денег. С деньгами, монастырь сможет стать больше, выше и привлекательнее. Ну и как только он сможет увеличить, улучшить и продвинуть "свой" храм в мире, то понимание Дхармы с того самого момента, для него не будет такой уж и большой и важной проблемой, даже если у него, его совсем и не будет. В тот момент, он сможет трансформировать себя в настоящего мастера и таким образом, он оставит своё имя в анналах истории!

Ну и поэтому, несмотря на то что Ву Мин, вроде, как и выказывал прилюдно почтительность Мастеру Дзэна Хуняню, на самом деле, он был им очень сильно неудовлетворен. Ву Мин так же был гордым и высокомерным человеком, поэтому он, естественно, чувствовал дикое недовольство из-за того, что его прилюдно отчитал Мастер Дзэна Хунянь, перед глазами всех его товарищей-монахов. Тем не менее, он не осмелится сделать или совершить ну хоть что-нибудь, против Мастера Дзэна Хуняня. Ну и поэтому, он сможет выпустить весь свой гнев, только лишь на Фанчжэна из храма Одного Пальца, который и стал причиной такого огромного позора, который и свалился сейчас на его алчную голову.

"Мелкий и поганый монах, подожди и увидишь. Я рано или поздно, преподам тебе незабываемый урок!" — Ву Мин сейчас думал о всяких гнусных и бесчестных действиях, но его лицо при этом, оставалось абсолютно спокойным, как если бы он и действительно, спокойно слушал своего наставника-аббата.

...

“Дзинь! Посылаю носителю Миссию Номер Четыре. Добиться небольшой славы в мире: Добейся и удержи локальную славу на уровне показателя в 50%. Текущий статус выполнения: 20%. После завершения миссии, случайный приз будет выбран для носителя, автоматически.”

“Чего? Система, а разве я уже не добился состояния небольшой славы в мире? Так почему теперь, опять появилась миссия, с подобными условиями?” — Если Фанчжэн правильно помнил, то соревнование каллиграфии выдало ему награду, за достижение храмом состояния «Малой славы».

“Тогда, подобный статус, был тобой и храмом, лишь временно достигнут. Однако же, с таким большим количеством дней, которые уже и прошли, храм Одного Пальца уже был позабыт, этой основной массой забывчивых людей. Если ты не придумаешь решения для этой проблемы, то ты даже не сможешь удержать эти оставшиеся у тебя, крохотные 20% осведомлённости и славы. Достижение 50% является лишь самым началом. А вот удержание славы на определённой отметке, было самой сложной частью у подобной миссии. Сделай для этого всё возможное. Ведь я на тебя поставила.”

“Хе-хе-хе, твоя ставка может быть и была поставлена на меня, но вот я, в отличие от тебя, просто не осмелюсь на себя и поставить. Ты хочешь, чтобы я отправился гулять по интернету, и чтобы я нашёл ещё каких-нибудь людей, чтобы опять провести какие-нибудь соревнования? Забудь об этом, подобные происшествия с кучей людей, слишком, слишком хлопотные! Оставим всё как есть, я позволю природе этого события, пойти своим чередом.” — Фанчжэн покачал головой и ему было слишком лениво, чтобы даже и думать об этом.

Ну и после того, как Фанчжэн это и сказал, он собрал свои вещи и пошёл, и прогулялся с “собакой”. Ну и после того, как он и вернулся обратно в храм, он умылся и отправился в кровать.

Однако же, тут, не так далеко от этой горы, был один человек, который вообще не мог сейчас и заснуть. Это был никто иной как Чэнь Цзинь!

“Ха-ха-ха...”

“Почему же блин так жарко?!”

“Мне тоже очень жарко! Но этот жар ощущается так хорошо. Да и мой разум, тоже такой чистый, но блин, я просто не могу заснуть!”

“Мои суставы чувствую тепло.”

“Моя спина чувствует тепло.”

“Моё сердце чувствует тепло.”

“Мои лёгкие теплые.”

...

Чэнь Цзинь постоянно перекатывался на кровати. Он не мог заснуть, из-за того, что он постоянно слышал голоса снаружи. В конце концов, он решил подняться с кровати и очень злобно прокричать: “Почему вы все блин ещё не спите, такой поздней и такой тёмной ночью? Что? Вы переели из-за того, что выпили по две чаши Отвара Лабы?”

“Чэнь Цзинь если ты так же, не можешь заснуть, то выходи из дома и пообщайся с нами. На кой чёрт ты вообще прячешься целый день в своём домишке? Я тебя уверяю. Этот Отвар Лабы... Хм. Он и вправду ароматно-благоухающий!” — Голос Псины Суна сейчас можно было услышать, доносившимся с улицы.

“Харе блин нести всякую несусветную чушь. Это ведь, только лишь Отвар Лабы из остатков подношений. Насколько хорошим он вообще может быть?” — Прокричал Чэнь Цзинь.

“Хе-хе, ты и на самом деле, мне не веришь? Тогда вперёд на улицу и спроси тут у любого. Никто из тех, кто его собственно и пил, не скажет тебе, что он был невкусный!” — Псина Сун прокричал ему в ответ.

“Это правда! Чэнь Цзинь, Псина Сун тебе ни капельки не врал! Этот аромат от отвара был поистине великолепный! Я никогда, за всю мою жизнь, не пил такого вкуснейшего отвара! Да и не только это, никакой деликатес, который я за всю мою жизнь и пробовал, не мог сравниться по вкусу, с этой чашей божественного отвара.” — Воскликнул уже другой человек.

Чэнь Цзинь прокричал: “Да чушь собачья. Какой вообще деликатес, ты в принципе и мог попробовать? Тех нескольких рыб, которых ты и выловил из реки, было тебе достаточно, чтобы продержаться до нового года! А у этого парня Фанчжэна, были проблемы, чтобы даже, просто достать себе еды на всю зиму. Так что не надо мне рассказывать о какой-то там раздаче Отвара Лабы храмом Одного Пальца! Я ни в жизнь, в такое, не поверю! Так что заканчивайте уже нести всякую чушь!”

“Хех! Ты всё ещё отказываешься в это верить! Ну тогда, просто забудь о том, что мы и говорили! У нас сегодня была такая великолепно-вкусная трапеза и это всё, что и имело сейчас значение. Давай, дерзай, и лежи в своей кроватке с бессонницей, пока ты будешь думать о своей рыбе, чтобы заснуть!” — Его внезапный собеседник, прокричал ему в ответ.

Ну и высказав эти слова, люди снаружи, больше не стали продолжать перекрикиваться с Чэнь Цзинем. Они продолжили общаться друг с другом и сейчас они обсуждали причину, почему их внутренним органам, внезапно стало тепло. Ведь им сейчас было неясно, почему они ощущали, приличную такую теплоту?

Чэнь Цзинь постоянно ворочался на кровати, но он всё так и не мог заснуть. Ну и только уже очень поздней ночью, он с большими усилиями, еле-еле, как и смог всё-таки заснуть.

Ну и на следующий день, когда солнце уже светило в небе...

“Хе-хе? Дед! Дед! Что вообще происходит?! Почему я после ночного сна, чувствую себя так, как будто всё моё тело такое легкое и подвижное?” — Жена Тань Цзюйго, Лу Сянь, проснулась этим утром рано. Она стояла на деревянном полу и подпрыгивала, когда она и воскликнула.

Ну и когда Тань Цзюйго, который еще даже и не встал, это и услышал, он продрал глаза и посмотрел на Лу Сянь. Он улыбнулся и сказал: “Хорошо, хорошо, прекрати уже вести себя как безумная, настолько ранним утром. Подумать только, что ты начнёшь день с того, что будешь орать на весь дом, что твоё тело чувствовалось очень легким... Что? Эй!”

Глаза Тань Цзюйго пипец как расширились, когда он почувствовал, что, что-то явно было не так.

Обычно, хотя он и мог проснуться настолько ранним утром, он всё же в подобный ранний час, чувствовал бы себя немного слабым, сонным и словно под мухой. Тем не менее, сегодня он чувствовал себя в особенности трезвым и здравомыслящим! Он сел на кровати и помахал руками. Он чувствовал себя очень легко и расслабленно! Тань Цзюйго воскликнул в жуткой радости: “Эй, а это и вправду так! Моё старое тело чувствуется таким комфортным! Я чувствую себя так, как будто мои ржавые детальки, наконец-то смазали хорошим маслом. Какие же плавные движения у моих старых суставов и как приятно двигаться!”

“Дед, как ты думаешь, что с нами вообще произошло? Ведь не похоже, что мы для этого, ну хоть что-нибудь сделали? Почему мы так внезапно, оказались в таком – просто отличном состоянии здоровья?” — Лу Сянь была этим озадачена.

Тань Цзюйго прищурился и сказал: “Да мы, как бы и не делали ничего особенного за последние два дня. Ну и всё что мы делали, это просто вели нашу обычную жизнь. Поэтому единственное выбивающееся из нашей повседневной жизни действие, что мы и сделали, было произведено там на горе, в виде поедания Отвара Лабы. Ну и к тому же, мы омыли Будду. Если предположить, что причина для этого нашего оздоровления может быть абсолютно любой, то скорее всего, она была как-то связана с этими двумя происшествиями.”

“Да как такое вообще может быть? Простая чаша отвара и омовение Будды, привело к подобным результатам? В прошлые года, мы же, также были в Монастыре Хунянь чтобы попить там отвара, и чтобы искупать там Будду.” — Сказала Лу Сянь.

Тань Цзюйго покачал головой и сказал: “Ну тогда, это всё, было очень сложно объяснить. Хорошо, раз ты чувствуешь себя хорошо, то сходи уже и приготовь нам завтрак. А я пока схожу и прогуляюсь снаружи, ведь таким образом я смогу увидеть реакции других людей, на подобное происшествие. Ох, кстати, насчёт твоего “лёгкого” тела, которое чувствуется теперь очень комфортным. Не говори пока ни с кем об этом, даже если тебя и спросят об этом по

телефону. Подожди пока я выясню, что вообще и произошло.”

Тань Цзюйго призывал Лу Сянь послушаться его воли, пока он сам, поспешно надевал одежду.

Лу Сянь произнесла с улыбкой: “Ладно, ладно, прекращай уже ворчать. Я просто подчинюсь твоим инструкциям, насчёт всего, хорошо?”

Тань Цзюйго усмехнулся, когда он и выходил из дверей.

Ну и в другой комнате.

“Дорогая, мне... мне кажется, что что-то со мной, было явно не так.” — Тань Юн внезапно подёргал жену за плечо, когда он это и высказал.

“Что? Ты там опять что ли, мечтаешь наяву? Мечтаешь о том, что ты опять пьешь этот вкуснейший Отвар Лабы?” — Жена Тань Юна повернулась к нему и с нетерпением спросила.

Тань Юн ей и ответил: “Нет. Это... Кажется, что мой геморрой, по ощущениям, просто взял и испарился.”

“Что? Что ты только что сказал?” — Жена Тань Юна аж подпрыгнула в пробуждении, и она сразу же его отругала, попутно смеясь: “Ты там что, доспался до состояния ранней деменции? Что это за сказочный разговор то такой?” — Ну и прямо тогда, когда она это всё и произнесла, её выражение на лице, внезапно изменилось. Она воскликнула: “Эмм... похоже, что мой, так же взял и пропал...”

В доме семьи Ян Пина...

“Дорогой, моя Нога Атлета, кажется, исчезла.”

“Как такое вообще было возможно? Что? А это и вправду так!”

...

Подобные происшествия произошли во многих семьях. Ну и с подобными чудотворными событиями, никто в деревне больше не мог спать и дальше. Они все вылезли из своих кроватей.

Петухи всё еще не кричали этим ранним утром и вместо этого, они проснулись от шума, гогота и действий деревенских жителей. Петухи из-за несчастья в виде крайнего недосыпа, начали орать изо всех своих сил, срывая себе легкие, чем они и заставили всех собак в округе, так же начать лаять, что было мочи. Ну и в тот момент, когда собаки, начали гавкать на всю округу,

они жуть как перепугали маленьких детей, заставляя их рыдать. Ну и в одно мгновение, маленькая деревенька, опять стала очень шумным местом.

<http://tl.rulate.ru/book/17996/501773>